

НАШ

"Вновь я посетил..." - так мог бы сказать о своем последнем российском визите Дмитрий Хворостовский. Несмотря на исключительно плотную "западную" занятость, он находит время, чтобы периодически появляться в амплиа гостя и в родном отечестве, что позволяет нам по-прежнему считать его своим соотечественником без приставки "экс". На сей раз певец представил слушателям своеобразный осенне-зимний диптих: в сентябре вышел на сцену большого зала Консерватории с программой романсов Глинки, Рахманинова и Свиридова, а 16 декабря, в юбилейный день рождения Георгия Васильевича Свиридова, дал в том же зале монографическую программу из вокальных циклов мастера.

На последнем концерте, проходившем, кстати, в рамках Фестиваля музыки Свиридова, особенно удачно и выразительно были трактованы написанный в начале 30-х цикл на стихи Пушкина и романсы (в том числе три совсем новых) из цикла "Петербург" на стихи Блока. Правда, с "Отчалившей Русью" Хворостовскому в этот приезд, как оказалось, повезло не совсем - цикл исполнялся во втором отделении, к тому же в момент резкого атмосферного перепада, и, может быть, поэтому в голосе чувствовалась усталость: вокальные краски поблекли, осеннее слово притупилося, зато проступили на протяжении усилии, фарсирование, некоторое однообразие.

Кароче говоря, Хворостовский заставил скучать. Вспомнилась другая "Отчалившая Русь", исполненная артистом в БЗК в сентябре 1994-го. Ту интерпретацию можно было смело причислить к эталонным, несмотря на то, что у всех на слуху версии Елены Образцовой и Нины Раутио.

Дмитрий Хворостовский - честь ему за это и хвала, первым из русских певцов познакомил слушателей многих стран с вокальными сочинениями Свиридова. Зарубежная премьера "Отчалившей Руси" с его участием состоялась в прошлом году в Лос-Анджелесе, а затем Хворостовский проделал со свиридовской программой и своим блестящим партнером, пианистом Михаилом Аркадьевым, настоящее кругосветное турне, дав концерты в Вене, Гамбурге, Кельне, Лондоне, Глазго, Осае, Сан-Франциско, Вашингтоне, Нью-Йорке, Базеле, Лионе и Париже. Вот только несколько откликов западной прессы на эти концерты.

Как утверждает влиятельный энциклопедический словарь "New Grove", произведение Георгия Свиридова мало убедительно для западных слушателей, у которых отсутствует соответствующая лингвистическая и идеологическая подготовка. Так ли? Баритон из Сибири Дмитрий Хворостовский и московский пианист Михаил Аркадьев недавно исполнили в Париже и других музыкальных столицах свиридовский цикл "Отчалившая Русь", и пребывающая в неведении о сути российских проблемах публика неизменно устремляла им сточную овацию.

The Atlantic Monthly, ноябрь 1995 г.

Превосходное исполнение Хворостовским вокального цикла "Отчалившая Русь" Свиридова неоднократно воскрешало в памяти шубертовский "Зимний путь"...

Washington Post, декабрь 1995 г.

Живя на Западе, Хворостовский остался глубоко русским певцом. "Познакомить западного слушателя с музыкой Свиридова я считаю своей миссией", - говорит он.

Fort Worth Star-Telegram, ноябрь 1995 г.

ХВОРОСТОВСКИЙ

Бурная жизнь нашего героя, тем не менее, не ограничивается только концертной деятельностью. В последние годы Дмитрий Александрович много записывается на голландской фирме "PHILIPS", с которой у него был длительный эксклюзивный контракт. (Его компакт-диски появились недавно и на российском рынке звуконосителей, так что наши меломаны могут "подержать в руках" и "Травяную", и "Евгения Онегина", и "Сельскую честь", и несколько сольных Хворостовского.) Очень часто выступал он и в опере, в самых престижных театрах. После скандального и, как говорят, невообразимо вилучного "Онегина" в парижском театре "Щагле" и в Монте-Карло и "Пуритан" в Венской Штаатсопер Хворостовский спел в Берлине россиниевского Фигаро и Жермона. Весной 95-го он впервые "примерил" на себя партию кастильского монарха Альфонсо в "Фаворитке" Доницетти в театре "Колон" (Буэнос-Айрес). Летом дебютировал в Зальцбурге, в год 75-летия этого замечательного фестиваля, и спел не что-нибудь, а графа Альмавива в моцартовской "Свадьбе Фигаро" - в постановке авторитетного авангардиста Люка Бонди, под управлением великолепного аутентиста Николауса Арнокура. Согласитесь, что петь Моцарта на его родине, в городе, который помнит самые безупречные эталоны моцартовского стиля, уже одно это - большая победа русской вокальной школы. В августе 96-го Дм.Хворостовский повторит свою зальцбургскую моцартиану, так что у особо горячих фанатов есть еще время позаботиться о билетах в знаменитый Фестишпильхауз.

Последний крупный театралный успех Хворостовского был связан с нью-йоркской "Метрополитен опера", где он дебютировал 26 октября прошлого года в "Пиковой даме". Постановку осуществил Валерий Гергиев в сотрудничестве с режиссером Элайджем Мошински. Партнерами "сибирской звезды" были не менее звездные Леони Ризанек (Графиня, прощальный спектакль в "Мет"), Карита Маттила и Мария Гулегина (Лиза), Бен Хелпнер и Гегам Григорян (Герман), Николай Пуплин (Томский). Музыкальные критики в один голос назвали фигуру Елецкого нравственным стержнем спектакля, символом праведного возмездия, а исполнение - самым проникновенным, хотя были и сетования на не слишком большой голос. Отечественные меломаны имели возможность во всем этом убедиться, когда Радио-1 вело прямую трансляцию "Пиковой" из Нью-Йорка. Известно, что Хворостовский скептически относился к партии и особенно роли Елецкого. Хочется верить, что мнение американцев изменит это отношение к лучшему.

Итак, Дмитрий Хворостовский в Москве. Пресс-конференция в Союзе музыкальных деятелей. Кабинет Ирины Архиповой. "В час назначенный" появляется Он, теперь уже народный артист России. Еще более импозантный, чем прежде, с эффектной серебристой шевелюрой. Мальчишеская броскость поведения, самолюбование, явная работа на публику уступили место естественной человеческой интонации и в то же время отполированной на Западе светской манере. Совместима ли эта самая светскость с полной мерой открытости в публичной беседе. Судите сами: "Музыкальная жизнь" публикует фрагменты из беседы журналистов с Дм.Хворостовским.

Андрей ХРИПИН

- Сегодня, Дмитрий Александрович, вы участвуете в Фестивале музыки Свиридова как признанный интерпретатор вокальных сочинений выдающегося мастера. А когда впервые вы услышали его музыку? Как состоялась ваша первая встреча?

- Вы знаете, я вырос в очень поющей, музыкальной семье, поэтому услышал музыку, и, в частности, вокальную музыку Свиридова, очень рано, так как мой отец, Александр Степанович, часто пел. Как только я научился играть, все время что-то брэнчал, подбирал на рояле и уже что-то такое пел, допустим, "Маритану". А когда у меня стал открываться серьезный голос, я пел "Роняет лес багряный свой убор" - сам не знаю почему. С самим Георгием Васильевичем я познакомился достаточно недавно, где-то полтора года назад. Знаю, что он был на моем первом, еще с Олегом Башняковичем, концерте в Москве, но тогда мы не встретились. Потом я был у него в гостях, был на свиридовской даче, знаком с Эльзой Густавовной, его женой. И как-то наше общение происходит совершенно вне работы, в то время как большинство артистов, доселе исполнивших его музыку, очень платно и тесно с ним работали. Меня это миновало - видимо, Георгий Васильевич не хочет вмешиваться в мой творческий процесс. После первого концерта, где я исполнял "Отчалившую Русь" еще по нотам, он меня благославил и сказал: "Все, что ты делаешь - хорошо, продолжай дальше". Этим я очень горжусь, потому что это - очень большое исключение.

Каждый раз, встречаясь с Георгием Васильевичем, я поражаюсь его ярчайшему пронзительному уму. Несмотря на его громадный человеческий и музыкальный опыт, Свиридов остается таким же простым в высоком смысле, как его музыка. Меня потрясает его непосредственность в общении, искренность и честность. А его талант рассказчика просто "положил меня на лопатки" - он обладает феноменальной памятью - помнит всех, с кем встречался 30, 40, 50 лет назад, помнит мельчайшие подробности жизни. Все стихи, к которым написал музыку, знает наизусть.

- В телефильме о вас Михаил Аркадьев назвал поэму Свиридова "Отчалившая Русь" светлым реквиемом. Согласны ли вы с таким определением?

- Вообще, я в некотором роде опасаясь давать какие бы то ни было определения тому, до чего я не докопался окончательно. Цикл меняется вместе с нами, звучит и как реквием и не как реквием. В данном случае Михаил Александрович, может быть, говорил о каком-то недавнем выступлении, но, возможно, завтрашнее исполнение "Отчалившей Руси" будет совершенно иное.

- Какой романс цикла для вас центральный?

- Это каждый раз непредсказуемо, хотя центральный все-таки - видимо, последний. Отчаяние, прощание, уход - и надежда, вера... "Отчалившая Русь" для меня некий символ моей Родины - отчаянной, отчалившей, иногда совсем уходящей из моего поля зрения, из поля моей любви...

- Почему у этого цикла столь неожиданный успех на Западе?

- Это вполне закономерный успех... Благо, что в конце концов он случился. Причина этого успеха в том, что музыка Свиридова необычайно классична и в наше сухое время способна произвести настоящую бурю, как и происходит на каждом из наших концертов.

- Неужели у зарубежной публики столь хорошая интуиция, что она понимает все "без слов"?

- У нас есть очень хороший подстрочный прозаический

перевод, который вкладывается в программку. Я не перестаю восхищаться этим переводом, сделанным совсем юной девушкой-англичанкой.

- С какими чувствами вы возвращаетесь на родную землю?

- С чувством томительного ожидания. Я чувствую себя, как зверь в клетке, когда дверь долго не открывается, а хочется вырваться и шагнуть на землю. Ну, а потом уже родные запахи, любимая сумрачность, невежливость. Но как-то это все равно радует, стараешься философски к этому относиться.

- Когда вы подолгу отсутствуете, что-то меняется в ваших ощущениях?

- Меняется, конечно, но, понимаете, мы - музыканты, нам свойственно все идеализировать. Приезжаешь: бум по голове, но ничего - потом становится опять хорошо.

- Какой из чужих городов вам ближе всех? Куда хочется возвращаться?

- Как домой возвращаюсь в Лондон. Люблю Нью-Йорк - он напоминает мне о Москве, русским там хорошо. Еще родной город для меня и для каждого русского - Париж, где красиво и романтично.

- Как складываются ваши взаимоотношения с фирмой "PHILIPS"?

- Меня часто не так понимают, я уже устал повторять, что "PHILIPS" никогда не был местом моей постоянной работы, ежемесячную зарплату я там не получал. Это был эксклюзивный контракт, дававший возможность записываться на фирме до четырех раз в году. А основная работа - это театр, концерты. Сейчас срок эксклюзивного контракта истек, и мы продлили его, сделав неэксклюзивным. Я стал немного свободнее, хотя и раньше никакая несвобода я не чувствовал. Насколько я понимаю, я был очень хорошо защищен под тепленьким крылышком "PHILIPS". В принципе, тот бум, который был в начале моей карьеры, - заслуга именно этой фирмы, поэтому, кроме благодарности, никаких негативных чувств нет. Недавно я записал с ними Свиридова.

- Не появилось ли у вас желание хоть что-то спеть в Большой театре?

- С самого начала моей карьеры у меня сложились очень хорошие отношения с Валерием Гергиевым и с Мариинским театром, с его музыкантами и певцами. На фестивале "Звезды Белых ночей"-97 я должен спеть в двух постановках. А Большой театр пока ничего не предлагает. Но я надеюсь...

- Какие новые партии у вас в планах?

- Достаточно много для одного сезона и для одного певца. В Чикаго должен петь Валентина в "Фаусте". Учю "Дон Жуана" Моцарта и "Тамлета" Тома. В "Ковент Гарден" меня ждет постановка "Роберто Деверо" Доницетти. Постепенно "наступаю" на Верди, присматриваюсь к ди Луна в "Трубадуре".

- Узкопрофессиональный вопрос: есть ли тональности, которые вам ближе, лучше ложатся на душу?

- Есть. Бемольные, не дизезные.

- Откуда у вас эта чисто инструментальная непрерывность фразы, которую у вокалистов слышишь все реже?

- Случается, почему же нет. Хотя, в принципе, вы правы, я много учился по записям, занимался самостоятельной домашней работой довольно бурно. Естественно, многим я обязан Екатерине Константиновне Иофель, профессору Красноярского института искусств, у которой я проучился пять лет. Как раз там я познал основы фразировки и симфонизма как такового. Она добивалась этого от меня и, как видно, зерно попало в очень благодатную почву.

- А как вы отдыхаете?

- Ну, этим летом, в августе, после Зальцбурга я второй раз отдыхал в Греции. Две недели ничего не делал - пловал на острове Крит. Но часто приходится отдыхать работая.

- Что вы любите поесть?

- Сейчас я не голоден, но если бы меня спросили об этом, когда хочется, то сказал бы - все.